

БЬОРК. СТРАСТЬ И НЕВИННОСТЬ

На фестивале правозащитного кино «Сталкер» в ЦДК 12 декабря зрители увидели фильм Ларса фон Триера «Танцующая в темноте (прокат в России — «Кармен» и «ИнтерСинемаАрт»).

Исландская поп-звезда Бьорк своим первым появлением на мировом экране произвела настоящую сенсацию. На дебютантку посыпались призы один за другим, начиная с «Золотой пальмы» Каннского фестиваля. Только что она получила приз Европейской Киноакадемии. Российские критики тоже сделали свой выбор в пользу замечательной певицы и актрисы — она в числе номинантов на Национальный приз кинокритики и кинопрессы «Золотой Овен» в категории «лучшая актриса зарубежного фильма, бывшего в российском прокате в 2000 году».

- Вы собираетесь сниматься в кино после?

- Если бы вы спросили меня об этом года четыре назад, я бы с уверенностью сказала, что нет, но сейчас — не знаю, мне так интересно делать что-то новое в творческом смысле. Целый год я работала с Ларсом, и это было открытием для меня. Я не чувствовала себя настоящей актрисой, я чувствовала, что мы творим вместе, выполняем какую-то важную миссию. В таком случае неважно, что ты делаешь: моешь полы, варишь кофе или играешь на виолончели. Но, как бы то ни было, сердце мое принадлежит музыке,

и в этом фильме для меня главным была музыка, которая не раз спасала меня в жизни, начиная с раннего детства. Снимаясь в фильме, я думала, что люди будут надо мной смеяться и говорить, что я села не в свои сани. И сейчас, конечно, я продолжаю сочинять музыку и петь, я опять у себя дома, в своей студии, со звукоинженером, мы пьем чай с бисквитами... Я люблю работать. Мы работаем по 12-14 часов в день. Но сниматься в фильме — немножко другое, там так много народу, ты являешься частью чего-то очень большого. Да, кино вызывает во мне любопытство, но я живу музыкой.

- Сейчас, при столь огромном количестве кричащих и рычащих на сцене, крутых и громких, нет ли у вас ощущения, что вашему единственному, уникальному голосу труднее пробиться к сердцам слушателей? И не потому ли вы пришли в кино, чтобы вас услышали?

- Нет, это не так. Ребенком я была эксцентричной, в моем городке меня держали за странную девочку. Я люблю ввязываться в какие-то новые и рискованные предприятия, поэтому мне любопытно было оказываться в кино. Я не из тех, кто умрет ради славы, но из тех, кто умрет ради новой песни.

- Кто ваши слушатели?

- Мне самой это интересно знать. Мне трудно их описать, но кажется, это люди, как и я, эксцентричные, от 12-ти до 80-ти. Одни

из них любят джаз, другие — электронную музыку, это самое странное смешение вкусов. Многие чернокожие любят мою музыку, иных удивляет, что я исландского происхождения. Если выражаться школьным языком, мне кажется, — мои слушатели не отличники, а те, что с Камчатки.

- Странно было видеть вас в фильме релетирующей «Звуки музыки», которые так далеки от того, что вы сами делаете на эстраде. Как вы относитесь к этому мюзиклу?

- На самом деле я большая фанатка старой школы, романтических чувств и так далее. Есть вещи вневременные, я люблю в музыке, в искусстве страсть и искренность. Гиперэмоциональные истории, ситуации, невинность — вот что мне нравится. Поэтому мюзикл «Звуки музыки» — вещь очень чистая, не так ли? — меня трогает. Когда мне было 3 года, я слушала и запоминала все мелодии этого мюзикла; тогда я не понимала английского, поэтому пела какую-то тарабарщину...

- Как долго вы работали над песнями к фильму после того, как Ларс фон Триер дал вам сценарий?

- Я была у него в гостях и читала сценарий в саду, плакала, была совершенно потрясена. Мне хотелось защитить эту женщину, да, у меня возникло это сильное чувство. У меня есть группа музыкантов, 20 человек, с которыми я работаю с тех пор, как мне исполнилось 14 лет, это моя семья. И все они сказали: не берись за это. Это сумасшествие, потому что я должна была отложить в сторону все, что делала в тот момент, на 3 года, а это немалый срок. Но я совершенно влюбилась в образ Сельмы. Ларс попросил, чтобы я сама ее играла, но сначала я была не уверена, что могу посвятить год съемкам. Год ушел на написание музыки, а потом началась работа с Ларсом, я часто бывала в Дании, проводила с ним много времени, многое происходило дальше на уровне инстинкта.

- Вы сами приносили песни и потом определяли их место в фильме или он говорил вам: вот здесь я хочу, чтобы звучала такая-то песня?

- Было по-разному. Конечно, он написал сценарий, в котором была определенная структура. Но ему казалось, что я слишком поддаюсь ему, он отправил меня обратно в Исландию, где я сочиняла музыку, чтобы я чувствовала себя свободнее. Он не хотел мной манипулировать, он ждал от меня советов по музыке, по образу, по всему фильму, он хотел следовать моим чувствам и желаниям.

- Как складывались ваши отношения во время съемок?

- Мы работали один на один над музыкальным фильмом, и мы оба из тех, кто не стесняется говорить правду в лицо. Иногда из-за этого бываем не слишком удобными, но вместе с тем нам всегда удавалось понять друг друга и найти какой-то компромисс. Фактически, мы закончили

съемки фильма ранее намеченного срока, потому что процесс шел как по маслу. Но после съемок я уехала домой и решила, по крайней мере, несколько месяцев не говорить о фильме. Так я всегда «отхожу» и от записи музыки. Время — великая вещь, позволяющая тебе делать справедливые суждения. Мне кажется, что датские продюсеры были в панике, потому что я в течение 9-ти месяцев не участвовала в рекламной кампании, да и Ларс не слишком любит появляться перед журналистами. Ну, и поскольку прессе нечем было заняться, они начали сочинять всякие истории про нас.

- Насколько подробно Ларс объяснил вам вашу задачу в самом начале работы?

- Когда мы начинали работать, «Танцующая» задумывалась как традиционный мюзикл. Ларс был уверен в этом, и я с удовольствием согласилась, потому что мечтала сделать мюзикл с детства. Мы сделали попытку современного мюзикла со Спайком Джонсом (режиссером фильма «Будучи Джоном Малковичем»), когда записывали клип «О, так спокойно». Я росла в Исландии, видела много голливудских мюзиклов и всегда думала: как печально, что у нас нет ничего подобного. Я легко могла представить себе ситуацию: я на кухне с бабушкой, беру ложку, вдруг задумываюсь, начинаю петь, и из-за стены меня не подхватывает оркестр, меня не поддерживают спецэффекты, а все происходит естественно и очень просто. Ларс чувствовал то же, недаром он сочинил «Догму». Постепенно мы стали расставаться с идеей традиционного мюзикла. Ларс снимал близко ручной камерой, в углу сидел струнный квартет, который легко подхватывал меня, потом появились элементы фантастические...

- В фильме Ларса фон Триера «Рассекая волны» женщина приносит себя в жертву мужу, здесь — сыну. Вы верите в подобную жертвенность? Умерли бы вы ради своего сына?

- Да. Это сложный вопрос и можно, наверное, ответить на него пятью различными способами, и все было бы правдой. Ларс выражает любовь через боль, я предпочитаю выразить ее через радость. Но мне интересна его точка зрения, хотя она и отличается от моей. Что касается моих родительских чувств, я ничем не отличаюсь от любой матери, которая могла бы умереть ради своего ребенка. Не это делает Сельму уникальной. И не это делает уникальной меня. Мы сделали бы это не потому, что так уж хороши — это просто природа.

- Ваша последняя песня перед смертью прозвучала как крик, зритель даже не чувствует, что вы поете...

- Может быть, это было таким естественным потому, что пение — часть моей природы. Я училась академическому пению, но когда пою, чувствую себя очень далеко от школы пения. Включаются инстинкты. Для меня пение — это не техника, это инстинкт и сердце. В момент, когда я согла-

силась быть Сельмой, я уже поняла всю ее боль. Я просто стала ею, поэтому финальные сцены я могла выполнить, только почувствовав их кожей, я была словно загипнотизирована. Я всегда полагаюсь на мои инстинкты, они в 50 раз мудрее, чем моя голова. Например, когда мне нужно было соглашаться на эту работу или отвергать ее, голова была против, но инстинкт толкнул меня согласиться. Этот фильм меня очень многому научил.

- Вы выросли в большой семье, у вас есть сестры, братья, а ваш сын одинок. Как вас воспитывали и как вы воспитываете его?

- Да, я выросла в очень большой семье, и если мы устраивали вечеринку в честь дня рождения одного из нас и решали пригласить самых-самых близких, приходило человек сто. Исландцы — люди семейные. Вокруг меня всегда была куча детей-ровесников. Мой сын, хоть он у меня и единственный, не любит оставаться один и, когда я отлучаюсь надолго, он немедленно приводит в дом кучу ребят. Я тоже привожу кучу друзей, в общем, у нас дома меньше 20-ти исландцев не увидишь.

- Как вы сочиняете музыку? Что вначале — мелодия, слова, идея?

- Когда я пишу песни, я просыпаюсь утром и чувствую что-то в голове, оно растет, растет, я напеваю, записываю на диктофон. Иногда это какая-то ерунда и медленно о ней забываешь. Но иногда чувствуешь, что это от тебя не отстанет, записываешь на диктофон, еще и еще, иногда кругами возвращаешься к тому, что уже отбрасывала. Главное — поймать нужный момент, когда песня в тебе созрела.

- Вы действительно являетесь владелицей острова?

- Я собиралась купить остров, маленький остров у побережья Исландии. Это было моей мечтой с детства. А потом премьер-министр решил подарить мне его «за заслуги перед отечеством». Я привыкла платить сама за то, что хочу приобрести. Началась какая-то политическая шумиха вокруг премьер-министра и поп-звезды, и я поняла, что это часть предвыборной компании. Я решила отойти в сторону. Может быть, когда мне стукнет лет 50, я все же приобрету этот маленький остров, где смогу проводить время со своими родственниками и друзьями. И чтобы там обязательно был маяк.

Маргарита СУШКЕВИЧ,
Джек ТЬЮКСБЕРИ,
Лос-Анджелес